

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-36-48

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЖИМА КАК СЛЕДСТВИЕ ОТСТУПНИЧЕСТВА ЭЛИТ

А. В. Соболева, И. С. Григорьев

Соболева Анастасия Викторовна, магистр политологии, аспирант (отдел Политическая экономика), Докторская школа политологии, публичной политики и международных отношений (Центрально-Европейский университет).

E-mail: Soboleva_Anastasiia@phd.ceu.edu (ORCID: 0000-0002-3033-1404. ResearcherID: AAZ-3091-2021).

Григорьев Иван Сергеевич, к.полит.н., доцент и научный сотрудник,

Департамент политологии и международных отношений; Центр сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

E-mail: igrigoriev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-0058-8583. ResearcherID: L-5628-2015).

Аннотация

Почему произошли «цветные революции» в Грузии (2003), Киргизии (2005) и Украине (2004)? В поиске ответа на этот вопрос данная статья отталкивается от общей для постсоветского пространства проблематики цикличности режимов, обусловленной укоренённостью институтов патронального президентализма. В критические моменты, когда уход инкумбента наиболее ожидаем, режим подвергается риску разобщения элит и появлению сильной оппозиции. В таком случае отношения между режимом в лице преемника-ставленника и элитами вращаются вокруг возможности отступничества последних к альтернативному кандидату, челленджеру. Данная статья моделирует эпизод потенциального отступничества в виде простой повторяющейся игры, где элиты оказываются принимающей стороной в своеобразном торге во время президентской кампании. В зависимости от того, предпочтут ли они преемника или челленджера, исходом игры будет либо сохранение прежнего режима, либо «цветная революция», порождённая массовым отступничеством элит к оппозиции. Гипотезы, полученные из модели, проверяются на материале президентских выборов в России (1999–2000) и Украине (2004). В результате анализа три теоретических предположения находят достаточное подтверждение, причём особое значение в определении исхода борьбы приобретает популярность претендента, которая становится решающим фактором ближе к концу президентской гонки.

Ключевые слова: цветные революции; постсоветское пространство; отступничество элит; режимный цикл; инкумбент; преемник; челленджер; патрональный президентализм.

Введение

Понятие «цветных революций» неотделимо от породившей их эмпирической реальности, сложившейся в постсоветском пространстве и послужившей непосредственной почвой для созревания этого феномена. Грузинская «Революция роз» (2003), «Оранжевая революция» в Украине (2004), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005) объединены как общими исходными данными до революций, так и дальнейшей судьбой складывавшихся в этих странах режимов. Причину этой общности необходимо искать в схожем развитии политических режимов бывших союзных республик.

Прокатившаяся с начала 1990-х гг. волна демократизации, которая «омыла» большинство коммунистических стран, также положила начало и новому поколению авторитарных режимов (McFaul, 2002), в литературе прозванных «соревновательными» (Levitsky & Way, 2002: 52) и «электо-

ральными» (Schedler, 2006: 3). Сосуществование в таких режимах демократических и авторитарных институтов делает такие режимы нестабильными. Осмыслению заложенной в новые постсоветские автократии нестабильности посвящены различные исследования. В частности, Г. Хейл обращает внимание на свойственную постсоветскому региону режимную цикличность, обусловленную чётко выраженными здесь институтами патронального президентализма (patronal presidentialism).

Принципиальную роль в отмечаемой Хейлом цикличности играют элиты: отдельные фазы циклов формируются сменяющимися друг друга стадиями внутреннего конфликта и консолидации, в свою очередь зависящими от имеющихся у элит ожиданий о будущем. Когда элиты теряют уверенность в способности инкумбента оставаться на посту, возникает риск их массового отступничества к оппозиции, что может привести к «цветной революции». Как утверждает Хейл, речь при этом не должна идти о демократизации, так как сдвиг от авторитаризма или возвращение к нему являются лишь частью общего цикла (Hale, 2005: 143–4, 134). Такая интерпретация постсоветских режимных трансформаций предоставляет рамку для подхода к вопросу о генезисе «цветных революций»: ключевыми событиями тут, очевидно, являются отступничество элит от слабого президента и поддержка перспективной оппозиции.

В научной литературе вопросу «цветных революций», наряду с революциями в целом, уделяется много внимания. Такие авторы, как Дж. Хигли (Higley et al., 2003), В. Гельман (Гельман, 2007), С. Раднитц (Radnitz, 2010) и Б. Джунисбай (Junisbai, 2012) изучают их с точки зрения предпочтений политических и экономических элит, тогда как другие учёные фокусируются на поведении авторитарного лидера (см. Bueno de Mesquita, 2007; 2010). Для нашей работы особенно ценна литература, рассматривающая стратегии и взаимодействие обеих групп акторов – например, исследования Б. Магалони (Magaloni, 2008), М. Сволика (Svolik, 2009), А. Гейя и М. Альбертуса (Gay & Albertus, 2016).

Следуя подобной логике, настоящая статья предлагает формальную теоретизацию тех кризисных точек, в которых элиты перестают поддерживать режим и переходят на сторону оппозиции, с построением теоретико-игровой модели повторяющейся игры между претендентами на пост главы государства и элитами. После раскрытия понятий «цветной революции», отступничества элит, патронального президентализма и режимных циклов в разделе 1 будет описано построение простой игровой модели, предсказывающей наступление или ненаступление «цветной революции». Сформулированные на её основе гипотезы будут соответственно проверены на эмпирическом материале двух постсоветских стран, переживших кризисы наследования с различным исходом: России (1999–2000) и Украины (2004). Таким образом, методологической основой эмпирической работы служит метод наибольшего сходства.

Революции как следствие отступничества элит

«Цветная революция» – процесс смены власти при широкой мобилизации масс, спровоцированной их несогласием с официальными итогами выборов (Гилев, 2010: 107). Именно в связи с вовлечённостью масс указанный тип смены режима именуется революцией. В академической сфере, впрочем, изучение постсоветских режимных трансформаций глубочайшим образом информировано традиционным взглядом на политику через призму межэлитных взаимодействий. Поэтому в изучении посткоммунистических трансформаций (и «цветных революций», в частности) исследователи фокусируются на рациональных взаимодействиях внутри элит, включающих элементы игры и механизмы вертикального управления обществом (см.: McFaul, 2002; Гельман, 2007; Гилев, 2010).

По определению М. Бёртона и Дж. Хигли, политические элиты – это те, «кто, благодаря занимаемым ими позициям во властных органах или разнообразных политических движениях и организациях (будь то правительство, бизнес, партии, военная сфера, ассоциации и др.), могут существенным образом влиять на политические решения и делают это регулярно» (Higley & Burton, 1989: 18). По Хигли и Бёртону, в элитном разрезе главным фактором успешности демократического транзита (и, следовательно, также и предиктором отката к авторитаризму) являются объединённость или разобщённость элит. Разобщённость подталкивает элиты к тому, чтобы стремиться охранять свои интересы: они испытывают страх относительно действий противников и убеждены в собственной незащищённости. Расколотость элит, таким образом, делает политическую систему уязвимой, колеблющейся между авторитаризмом и демократией в зависимости от того, к чему придёт внутриэлитный консенсус (Ibid.: 17, 19–20).

Дж. Голдстоун в своих работах углубляет эту аргументацию, фокусируясь на феномене отступничества элит. В частности, Голдстоун пишет о революциях, инициированных элитами. Такие

революции автор считает следствием разложения существующего режима из центра: тогда неудовлетворённые группы «отзывают» свою поддержку правительства и поощряют массовые демонстрации (Goldstone, 2001: 143). Угроза существующей власти выше в периоды бюджетного дефицита, когда лидер «недообеспечивает» элиты и перестаёт им нравиться. Подобным образом, большое значение для лояльности элит имеет то, справедлив ли к ним правитель по их субъективной оценке. В результате, отстранённые от властных ресурсов, подверженные чрезмерному контролю сверху, ущемлённые в привилегиях элиты вполне могут выступить против правителя (Ibid.: 148, 154). Отступничество более разобщённых элит может привести к смене режима, так как именно в условиях разобщённости элит появление весомой оппозиции наиболее вероятно.

Патрональный президентализм и режимные циклы

Однако отступничество само по себе не способно определить «цветные революции»: необходимо ввести представление о режимной цикличности, неотъемлемом свойстве постсоветских государств.

Цикличность указывает на отсутствие конечной точки в развитии режимной траектории (когда устанавливается демократия или авторитаризм). Вместо этого изменение режима рассматривается как часть общего движения режимного «маятника». Г. О’Доннелл схематично описывает такой цикл: почти диктаторская сила президента и большие надежды населения сменяются этапом разочарования, затем следует отступничество элит и президентская слабость, и в итоге с избранием другого лидера запускается новый цикл (O’Donnell, 1994; cited in Hale, 2005: 137). Высокая степень патернализма способствует таким колебаниям. Патронажные отношения пронизывают весь политико-экономический процесс, так что доступ к ресурсам патрона происходит в обмен на политическую лояльность (Фисун, 2007: 17; Hale, 2014: 61). Постсоветское пространство, таким образом, объединено единой институциональной рамкой – патрональным президентализмом, в котором напрямую избираемый президент обладает большой формальной и неформальной властью распоряжаться ресурсами и становится во главе патронажных сетей (Hale, 2014: 82).

Обращение к патронажу как политической характеристике позволяет Г. Хейлу построить теорию, отражающую общую природу «цветных революций». Пока лидер популярен и обладает значительными ресурсами, он является главным патроном сплочённых в «однопирамидальную» (single-pyramid) сеть элит, тогда как сама политическая система близка к авторитаризму (Ibid.: 83). Всё меняется в тот момент, когда инкубент – по причине ли тяжёлой болезни, военного поражения или чего бы то ни было ещё – становится «подстреленной уткой» (lame-duck), и все ожидают его скорого ухода. Президентские выборы в этом случае становятся фокальной точкой, в которой может произойти координация элит и свержение (или же просто уход в отставку) непопулярного правителя (Hale, 2005: 139–40). Именно в предвыборный период – когда между властными группами возникает борьба за преемственность, а победитель не всегда очевиден – патронажная сеть начинает иметь несколько соревнующихся центров (competing-pyramid politics) (Hale, 2014: 84–85). В результате президентский лагерь может столкнуться с возглавляющим оппозицию челленджером: им становится представитель сегмента элит, как правило, обладающего достаточными независимыми ресурсами (в частности, за счёт приватизации, см. Junisbai, 2012: 896; Way, 2005: 233). В условиях неопределённости хорошо скоординированное взаимодействие элит само предопределяет победителя, тогда как при невозможности такого взаимодействия неопределённость увеличивает риск отступления. Во избежание подобного развития уходящий лидер может назначить себе преемника; однако это отнюдь не ликвидирует проблему наследования, если с высокой вероятностью победит челленджер или преемник не включит элиты в новую правящую коалицию, а также когда наказание за неудавшееся отступничество маловероятно или трудноосуществимо (Hale, 2005: 140–141).

В подобный соревновательный период мнение масс является важным фактором при формировании ожиданий элит. Каждая из сторон может обладать серьёзным рычагом влияния на исход борьбы, если ей удастся завоевать и продемонстрировать общественную поддержку. Так, когда режим всё же теряет поддержку элит, челленджер берёт верх и происходит «цветная революция». Впрочем, вслед за кратковременной демократизацией вновь наступает этап консолидации, с заново объединёнными элитами и более авторитарным правлением (Ibid.: 141–142).

Модель игры

Для построения теоретической модели необходимо сделать несколько упрощений. Во-первых, наша модель не подразумевает внутриэлитного идеологического расхождения, которое часто лежит в основе отступничества. Во-вторых, мы исходим из допущения об идентичности и постоянности предпочтений элит: представитель режима и челленджер совершают одинаковую сделку с каждым представителем элит, размер которой не меняется со временем. В-третьих, под элитами как игроком мы будем понимать те сегменты элит, которых правитель находит потенциально важными для выживания режима. Соответственно, отступничество состоит в их переходе на сторону оппозиции.

Модель игры, исходом которой может быть «цветная революция» в конкретной стране постсоветского пространства, сводится к своеобразному торгу между тремя игроками:

- сначала преемник (S) (в союзе с уходящим президентом) и челленджер (Ch) одновременно предлагают элитам определённую долю своего патронажа, C_S и C_{Ch} , соответственно;
- далее только одно предложение принимается элитами в обмен на лояльность.

После заключения сделки с одной из сторон ход переходит к элитам, от которых теперь ожидается обеспечение победы их фаворита на выборах. Инструменты, требующиеся для этого, включают административные и финансовые ресурсы лояльных элит, как то: телевизионная пропаганда, работа региональных политических машин, денежные потоки от корпораций, показательные массовые демонстрации и даже фальсификация выборов (Hale, 2014: 85). Таким образом, либо режим в лице преемника гарантирует себе дальнейшее существование,¹ либо происходит массовый отток элит, ведущий к политическому кризису.

Необходимо конкретизировать механизм, по которому происходит сделка между элитами и претендентами на пост правителя. Его логика сводится к тому, что преемник и челленджер делятся с элитами частью располагаемых ресурсов. Механизмы могут быть разными: раздача рентоёмких должностей и контрактов, предоставление мест в партии, совершение трансфертов и др.

Опишем условие, при котором отдельный представитель элит не решится на отступничество. В условиях повторяющейся игры с потенциально бесконечным числом раундов, каждый из которых наступает с вероятностью p , это условие формулируется как

$$\frac{C_S \cdot B \cdot \beta + C_S \cdot b \cdot (1 - \beta)}{1 - p_S} \geq C_{Ch} \cdot B \cdot \beta + C_{Ch} \cdot b \cdot (1 - \beta) + \frac{p_{Ch} \cdot (C_{Ch} \cdot B \cdot \beta + C_{Ch} \cdot b \cdot (1 - \beta)) \cdot \alpha}{1 - p_{Ch}}, \quad (1)$$

где C_S – доля распределяемого президентом бюджета, которая достанется данному представителю элит, если победит выдвинутый режимом преемник;

C_{Ch} – доля бюджета, которую предлагает данному представителю элит челленджер;

B – нормальный (непониженный) объём бюджета, распределяемого правителем;

b – пониженный (например, в связи с экономическим кризисом) объём общего распределяемого бюджета;

β – вероятность снижения бюджета²;

p_S – вероятность чистой победы президентского преемника на выборах (т. е., в широком смысле, его популярность);

p_{Ch} – вероятность победы челленджера (соответственно, $p_S + p_{Ch} = 1$);

¹ Под «режимом» здесь понимаются конкретные персоналии, пребывающие у власти, а не определённый тип политического режима. Как уже было сказано, начало нового цикла не означает полноценную демократизацию – скорее, это лишь смена верховного руководства с последующим этапом консолидации элит.

² Как видно, в нашей модели вероятность наступления кризиса при преемнике инкумбента и при челленджере одинакова. Интересным развитием данной модели является введение отдельных вероятностей для двух этих развитий событий. В таком случае вероятности снижения бюджета при преемнике инкумбента и при челленджере могли бы рассматриваться как две разные субъективные оценки их компетентности, которую должны принимать во внимание элиты в момент поддержки того или иного кандидата.

наконец, α – вероятность того, что челленджер, став президентом, не займётся чисткой элит и оставит нынешние элиты у власти.

Как видно, левая часть неравенства (1) отвечает за выигрыш элит при сохранении сотрудничества с режимом; а правая – за выигрыш при сотрудничестве с оппозицией³.

Коэффициент дисконтирования в бесконечно повторяющейся игре составляет $\frac{1}{1-p}$, где p – вероятность наступления следующего раунда⁴. В нашем случае вероятность наступления следующего раунда – это вероятность удержания власти вследствие победы на выборах. При этом левая часть неравенства (1) умножается на $\frac{1}{1-p}$, так как инкумбент предоставляет своим сторонникам определённую долю бюджета уже в текущем раунде. В правой части, однако, распределение бюджета сторонниками челленджера через один раунд будет зависеть от того, сохранит ли челленджер их в составе выигрывающей коалиции после консолидации режима. В нашей модели эта особенность отражена с помощью вероятности α , стоящей в качестве коэффициента у второго слагаемого в правой части неравенства (1).

После упрощения выражения (1) получаем

$$C_S \geq C_{Ch} \cdot \left(1 + \frac{\alpha \cdot (1 - p_s)}{p_s}\right) \cdot (1 - p_s). \quad (2)$$

Выражение (2) показывает условия, при которых каждый отдельный представитель элит останется лояльным инкумбенту и поддержит его ставленника на выборах. Тут важно отметить, что оценка собственного выигрыша каждым представителем элит происходит в частном порядке и даже, вероятно, одновременно. Для простоты мы будем считать, что массовое отступничество не происходит, если для подавляющего большинства элит неравенство приближено к виду (2).

На основании выражения (2) можно сделать три важных вывода относительно избежания «цветной революции»:

1) чем больше вероятность победы ставленника режима p_s , тем меньше может быть предлагаемое им вознаграждение C_S ;

2) чем больше C_{Ch} , вознаграждение от челленджера, тем больше должно быть вознаграждение от преемника C_S ;

3) чем больше α – вероятность, с которой челленджер действительно оставит у власти поддерживавшие его элиты, – тем больше должно быть вознаграждение от ставленника режима C_S .

Все выведенные условия логичны и, более того, подтверждаются рядом исследований о механизмах управления в авторитарных системах. Так, М. Сволик утверждает, что лидер может обделить элиты режимными ресурсами и этим приобрести достаточный вес, позволяющий исключить ненужных более членов коалиции (Svolik, 2009: 483). М. Альбертус и В. Гей (Gay & Albertus, 2016: 625) подчёркивают значимость нисходящих от режима выгод: они должны превышать выигрыш, который элиты могут получить от демократизации. Е. Беллин аналогично замечает, что прочность союза элит с авторитаризмом зависит от того, какой строй служит их интересам больше (Bellin, 2000: 204–205).

Второй вывод упоминается Б. Буэно де Мескита, согласно которому предусмотрительный правитель всегда заботится о том, чтобы выигрыш, получаемый элитами от лояльности ему, был больше, чем от сотрудничества с оппозицией (Bueno de Mesquita, 2007: 409). Л. Вэй, в свою очередь, указывает на прямую зависимость между осуществляемым автократом контролем и налоговыми сборами. Последние дают возможность кооптировать потенциальных перебежчиков к оппозиции через

³ Предлагаемые доли C_S и C_{Ch} умножаются на величину как нормального, так и дефицитного бюджета, чтобы учесть оба случая.

⁴ Необходимо заметить, что популярность как вероятность наступления «завтра» в игре является абсолютным допущением. Сама по себе возможность правления «бесконечно» подразумевает целый ряд дополнительных приспособлений, характерных для недемократических режимов. В данной работе, однако, за p взята именно популярность, чтобы подчеркнуть зависимость силы режима от расположения масс.

сеть патронажа, что делает большое влияние на экономику эффективным методом предотвращения попыток бросить вызов инкумбенту (Way, 2005: 235). Третье же утверждение находит подтверждение в работах Г. Хейла, отмечающего постоянное опасение элит быть отстранёнными при новом инкумбенте, даже если прежде они были в его коалиции (Hale, 2005: 142). Б. Буэно де Мескита и А. Смит указывают также, что возможность такой перетасовки элит отвращает их от поддержки иного претендента, так как они не могут получить долгосрочных гарантий (Bueno de Mesquita & Smith, 2010: 938).

Полученное неравенство, в том числе, согласуется с литературой, рассматривающей отступничество элит как следствие ожиданий об экспроприации автократом (см. (Radnitz, 2010; Junisbai, 2012; Balmaceda, 2013)). При экспроприации предлагаемая режимом доля отрицательна, а значит, строго бóльшая правая часть (только если какой-либо её член не поменяет знак) заставляет элиты предпочесть оппозицию.

Ниже мы проверяем три сформулированные нами гипотезы на примере двух президентских избирательных кампаний с противоположными исходами.

Россия: плавная передача власти

Случай России примечателен тем, что основная борьба между правящей группой и оппозицией проходила не столько в рамках президентских выборов 2000 г., сколько в ходе думской кампании 1999 г.⁵ Главным соперником проправительственных сил был созданный и поддерживаемый губернаторами наиболее крупных и влиятельных регионов блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР), возглавленный мэром г. Москвы Ю. Лужковым и экс-премьер-министром Е. Примаковым. Первый обладал значительными связями с региональными элитами (Lambroschini, 1999), которые сконцентрировали в своих руках политические и экономические рычаги подвластных им территорий (Golosov, 2011: 625). Примаков же, активно поддерживаемый коммунистами, на тот момент был самым популярным политиком – в отличие от президента Б. Ельцина, который понимал, что успех ОВР в парламентских выборах неминуемо вёл к победе её представителя в президентских; а это, в свою очередь, означало бы фактическое изгнание его и «Семьи», с лишением властных ресурсов, возможно, свободы и даже жизни. Поэтому основная задача уходящего инкумбента заключалась в плавной передаче власти надёжному человеку с созданием для него партии поддержки, противовеса ОВР (Hale, 2004: 171–172).

Так в российскую политику был введён глава ФСБ В. Путин, в поддержку которому был создан кремлёвский партийный проект «Единство». Из неизвестного премьер-министра с рейтингом в 2% он стал буквально самым популярным политиком в России к декабрю 1999 г. Коренным переломом можно считать сентябрьские взрывы жилых домов в Москве, после которых Путин начал контр-террористическую операцию в Чечне и этим зарекомендовал себя в качестве сильного лидера (Hale, 2004: 176, 179–180).

Тогда блок «Единство», пользующийся открытой поддержкой Путина и активно пропагандируемый в федеральных СМИ, начал переманивать сторонников антикремлёвской коалиции. Долгожданный эффект был достигнут в ходе думских выборов: блок получил десятипроцентный перевес над ОВР (Gel'man, 2015: 66–67). В этой электоральной победе заключалась главная миссия «Единства» как тактики успешного наследования – избавиться от челленджера ещё в думской гонке, не оставив шансов на президентскую (Colton & McFaul, 2000: 220). Окончательная концентрация элит вокруг преемника произошла после того, как в канун Нового года Ельцин сложил полномочия в пользу премьер-министра. Затем досрочные выборы марта 2000 г. формально сделали Путина всенародно избранным президентом (Hale, 2005: 148).

Во всей хронологии событий прослеживаются три вышеперечисленных вывода. В подтверждение первой гипотезы можно утверждать, что высокая популярность Путина практически заставила элиты из оппозиционного лагеря перейти на сторону ставленника Кремля, а значит и поддержать блок «Единство», который в данном случае был фокальной точкой для «обратного» отступничества элит в пользу поддержки существующего режима и сработал в качестве механизма удержания лояльных элит (Way, 2005: 233).

⁵ Подобное явление, когда выборы в парламент идут непосредственно перед президентскими и тем самым помогают выявить потенциального победителя, называется «праймериз элиты» (Shvetsova, 2003: 213–231).

Эволюция поддержки «Единства» региональными лидерами позволяет проследить переход элит на сторону преемника. На старте проекта было открытое письмо, подписанное менее чем сорока губернаторами на сессии Совета Федерации в конце сентября. Само письмо не содержало конкретных программных предложений, больше напоминая призыв к честным выборам, тогда как подписывающиеся могли сохранять свои прежние партийные аффилиации (Colton & McFaul, 2000: 205; Shvetsova, 2003: 224–225). Дальнейшая тактика заманивания, отдельные элементы которой варьируют от официальных приёмов в Кремле до шантажа правоохранительными органами (Petrov & Makarkin, 1999, cited in Shvetsova, 2003; Shvetsova, 2003: 225), хотя и принесла одобрение элит, всё же не смогла добиться их открытой поддержки.

Ситуация приобрела новый оборот в ноябре, за месяц до парламентских выборов, когда Путин публично заявил о поддержке «Единства», после чего рейтинг блока резко возрос, и «Единство» впервые обошло ОВР по популярности (Colton & McFaul, 2000: 211; Shvetsova, 2003: 227). При этом рейтинг самого Путина также был на своём пике, взлетев с 65 до 80% к ноябрю 1999 г. Тесная связь между фигурой премьер-министра и «Единством», воспринимаемая электоратом, указала элитам на высокие шансы победы преемника и поспособствовала усиленной работе региональных машин. После того как состоялись декабрьские «праймериз элиты», где «Единство» подтвердило свои лидирующие позиции, уверенность в будущей победе Путина стала ещё более ощутимой. Это, в свою очередь, окончательно облегчило координацию элит вокруг преемника. Говоря в терминах сформулированной нами модели, преемнику было достаточно предложить лишь незначительное вознаграждение элитам, потому что его популярность уже работала на него и сигнализировала более высокие шансы на победу.

Вторая гипотеза, учитывающая размер предлагаемых вознаграждений, также находит подтверждение на российском материале. Считается, что центр поставил регионы в такие условия, что не поддержать кандидатуру Путина было бы для них экономически нерационально. В первую очередь, это касалось субъектов, которые особенно зависели от центральных субсидий. Действительно, в период 1999–2000 гг. распределение трансфертов из федерального бюджета производилось по принципу «поддержки слабых» (Стародубцев, 2009: 22). Этому во многом способствовал благоприятный климат на нефтегазовых рынках с 1999 г., увеличивший финансовые возможности правительства (там же: 24), чтоб было особенно необходимо на более раннем этапе кооптации – до момента, когда популярность Путина стала безоговорочным аргументом.

Однако и более богатые регионы, в частности специализирующиеся на добыче нефти и газа, не были защищены от влияния Кремля. Даже в период президентства Ельцина, когда регионы были «самостоятельны» во многих аспектах, центр сохранял право регулирования сырьевых потоков и смежных аспектов международной торговли и в период кризиса наследования 1999–2000 гг. не преминул задействовать данный рычаг влияния, грозя ограничительными мерами в правах получения иностранных кредитов (Lambroschini, 1999)⁶.

Об эффективности кооптации элит можно судить по поддержке «Единства» и ОВР на думских выборах в отдельных регионах. «Единство» опередило ОВР в значительном числе регионов, как более бедных, так и относительно богатых. В то же время ОВР осталась непобеждённой во многих участковых комиссиях Татарстана, Башкортостана и Ингушетии (а также Москвы и Московской области). Вероятно, будучи в числе ведущих членов патронажной сети мэра Москвы (Hale, 2004: 172), губернаторы этих регионов медлили с переходом на сторону преемника, в то время как основная масса элит, так или иначе симпатизировавших ОВР первоначально, к этому моменту уже могла считаться прорежимной.

Третье наше предположение, касающееся надёжности обещаний челленджера, в российском контексте можно рассматривать с двух сторон. Если считать за будущего противника в президентской гонке Лужкова, то союз с региональными элитами выглядит не таким уж и прочным. Пусть мэр Москвы «медленно, но верно» расширял поддержку своего движения (Lambroschini, 1999), идеологически «Вся Россия», как отмечается, имела мало общего с «Отечеством», и их объединение не могло состояться без личности Примакова (Shvetsova, 2003: 226–227). Коалиция губернаторов, таким обра-

⁶ Этот случай также отражает смену в тактике Кремля: если Ельцин пытался задобрить регионы с помощью дополнительных привилегий (Bahry, 2005: 128), то Путин стал применять «кнут» в большей мере, т.е. устрашать ограничениями либо напрямую вводить их. В частности, шантаж правоохранительными органами получил тогда широкое распространение (Petrov & Makarkin, 1999, cited in Shvetsova, 2003).

зом, представляется нежизнеспособной (по крайней мере, в долгосрочной перспективе) при развитии сценария с Лужковым в качестве нового лидера страны.

Если же за потенциального кандидата в президенты брать Примакова (что и произошло на самом деле), то надёжность взятых им обязательств может быть оценена как заметно более высокая. Учитывая его популярность и отсутствие заметных разногласий с регионами, Примаков мог рассчитывать на лёгкую победу с поддержкой большинства элит. Однако в течение осени против фигуры Примакова был выдвинут другой популярный политик, и по итогу их соперничества победителем выходил именно Путин. Помимо стремительно растущей популярности, принимаемой в расчёт элитами, Путин грамотно выстроил тактику общения с губернаторами: он часто организовывал официальные приёмы, не говоря уже о многих приобретённых за время госслужбы связях (Ibid.: 224–225). Скорее всего, такой персональный подход был нацелен на расположение элит к преемнику больше, чем к челленджеру Примакову. В результате, не кто иной, как Путин стал представляться элитам «безопасным выбором», который вряд ли будет перекраивать свою коалицию после принятия президентства.

«Оранжевая революция» в Украине

В отличие от примера выше, выборы президента Украины 2004 г. располагали к иному развитию событий, известному нам как «Оранжевая революция». После распада СССР украинская политика формировалась под знаком борьбы между крупнейшими финансово-промышленными группами – олигархическими кланами – доминирующими в определённых регионах страны⁷. Обладая примерно равными ресурсами, лагеря делили между собой право быть доминирующей элитой и группой вето в рамках общенациональной политики. Это предопределило базовый характер происходивших конфликтов, которые действующая авторитарная власть была вынуждена предотвращать ради сохранения стабильности (Åslund, 2003: 108-9; Way, 2008: 257). Инструментом урегулирования конфликтов стали вошедшие в практику «картельные соглашения» между инкумбентом и ведущими элитами; однако подобные сделки довольно часто исключали какой-то клан из участия (Гельман, 2007: 96). Иными словами, при очередном перекраивании «картеля» вчерашние проправительственные силы становились оппозиционными, и наоборот.

В 2004 г. Л. Кучме, не сумевшему обеспечить себе третий президентский срок, пришлось выбирать преемника, который устраивал бы влиятельный тогда донецкий клан.⁸ Кучма остановился на кандидатуре В.Януковича, до назначения на пост премьера в 2002 г. бывшего председателем Донецкой областной администрации. Выбор Кучмы, однако, не был принят западно-украинскими элитами, которые в итоге ответили поддержкой челленджера, В.Ющенко. Последний сам ранее являлся лояльным представителем режима, однако после отставки с поста премьер-министра в 2001 г. перешёл на сторону оппозиции, а затем и возглавил её (Way, 2008: 258–259). Оппозиционный лагерь принял значительную долю элит, оставленных за рамками договора Кучмы-Януковича, так что в результате против патронажной сети инкумбента выступили либерально настроенные финансовые группы и несколько крупных медиакомпаний (Hale, 2005: 151–152). Всё это вылилось в почти одинаковое соотношение сторон к первому туру президентских выборов – 40% Ющенко к 39% Януковича.

Борьба окончилась бы победой режима с небольшим перевесом в голосах, если бы не сентябрьское отравление Ющенко и откровенная фальсификация второго тура выборов в ноябре⁹. Эти резонансные события ощутимо ударили по популярности Януковича, а также подготовили почву для массовой политической мобилизации. Последующие народные протесты спровоцировали отток ключевых сил, включая Киевскую администрацию, службы безопасности, армию и, главное, объявивший о переголосовании Верховный суд (Hale, 2005: 155–156; Гельман, 2007: 98). «Оранжевая революция» завершилась победой Ющенко с 52% против 44% Януковича в повторном втором туре. При этом перед переголосованием Верховная Рада внесла поправки в президентско-парламентскую конституцию, наложив большие ограничения на полномочия главы государства. Тем не менее, эта попытка прервать круг патрональной политики (см. Hale, 2014) оказалась неудачной, так как увеличенные воз-

⁷ Наиболее известные среди них – донецкий, днепропетровский, киевский и закарпатский кланы.

⁸ Донецкий клан был сильнейшим (и самым богатым) из вошедших в Верховную Раду после выборов 2002 г. Соответственно, в кабинете Януковича, самого являвшегося представителем восточных элит, большое влияние имела именно эта группа (Åslund, 2009: 159–160).

⁹ Весь электоральный цикл 2004 г. был охарактеризован нарушениями со стороны режима: от подтасовки голосов на выборах мэра до запрета посадки воздушного транспорта, в котором путешествовал Ющенко (Åslund, 2009: 184–185).

возможности кабинета и ассамблеи стали не двигателями демократизации, а главными орудиями элит в борьбе за власть (Kudelia, 2012: 426).

Таким образом, пример Украины явно указывает на обратную формулировку нашей первой гипотезы: оспариваемая и даже упавшая популярность преемника не могла перевесить остальные аргументы (как это было в российском случае). Ошибочно было бы утверждать, что Янукович не имел народного одобрения вовсе. Ещё в самом начале, когда перед Кучмой стоял вопрос о выборе преемника, этот выходец из простой рабочей семьи и тогда уже профессиональный политик представлялся хорошим, «близким к народу» вариантом (Åslund, 2009: 160, 181). Спустя два года после назначения премьер-министром, Янукович по-прежнему сохранял достаточно высокий рейтинг – во многом благодаря эффективной работе государственных СМИ (Dyczok, 2005: 258). Однако начиная с осени 2004 г., с приближением самой президентской гонки, методы режима становились всё более неприемлемыми, что в конечном счёте сильно ударило по фигуре предполагаемого преемника.

Помимо собственной тактической ошибки, власть так и не могла справиться с главной проблемой – высокой популярностью Ющенко. Именно лидер оппозиции был самым признаваемым политиком на протяжении всей электоральной кампании, несмотря на различные уловки государственной машины (Ibid.: 247). По всей видимости, сила челленджера состояла в том, что он играл по настоящим «демократическим» правилам. Так, Ющенко много вкладывал в развитие своей партии «Наша Украина», которая в коалиции с другими членами оппозиции играла заметную роль в парламентской политике с 2002 г. Уже на выборах 2002 г. она продемонстрировала значительный мобилизационный потенциал, в котором больше не оставалось сомнений во время президентских выборов (Åslund, 2009: 159, 179)¹⁰.

Важно и то, что Ющенко продвигал правоцентристскую повестку. В своей кампании «оранжевые» основывались на универсальных ценностях семьи, веры, частной собственности, некоррупционного правления. С помощью этого челленджер смог преодолеть нарратив, традиционно ассоциируемый с западной Украиной, таким образом приблизив к себе и многие русскоговорящие области (Ibid.: 177, 189).

Всё это делало кандидата от оппозиции заманчивой альтернативой в глазах элит. При наличии разногласий с режимом или отсутствии крепких с ним связей, элиты не медлили переходить на сторону «оранжевых», потому что Ющенко виделся как очень многообещающая фигура. Ближе к развязке, когда подтасовка голосов вызвала массовые протесты и настроение народа стало очевидным, большинство сторонников Януковича были вынуждены отвернуться от преемника и поддержать челленджера¹¹.

Вторая гипотеза, в которой сравнивается щедрость исходящих от преемника и челленджера и адресованных элитам предвыборных предложений, как нельзя лучше описывается сложившимся в Украине того периода так называемым режимом «жадного индивидуализма» (rapacious individualism) с элементами национального раскола (Way, 2008). Действительно, президентство Кучмы сделало олигархию неотъемлемым элементом политического процесса: олигархи имели весомое представительство в парламенте, выступая там главными союзниками инкумбента (Kuzio, 2005: 181). Экономический бум и приватизация крупнейших госпредприятий (в том числе «Криворожстали», контроль над которой в 2004 г. разделили Р.Ахметов и В.Пинчук – представители донецкого и днепропетровского кланов, соответственно) изначально были нацелены на удержание элит посредством увеличенных рент. Этот план, однако, не учёл важный аспект – олигархи становились более автономными по отношению к государству и друг другу (Åslund, 2009: 176, 180). Возросшая вследствие того конкуренция привнесла раздор в лагерь Кучмы-Януковича.

Немалую роль в этом расколе сыграл и сам режим. Вместо проведения более инклюзивной политики с равномерным представительством сильнейших бизнес-групп, он фактически допустил ошибку, когда сузил свою коалицию поддержки главным образом до восточных элит, и особенно донецкого клана. Помимо влияния в Раде, донецкие элиты имели своим ставленником премьер-министра и доминировали в правительстве. Сам Янукович являлся близким другом Р.Ахметова, миллиардера и неформального главы донецкого клана (Åslund, 2009: 160–161). Неудивительно, что дру-

¹⁰ В частности, полезными оказались связи партии с низовыми движениями, такими как молодёжная организация «Пора» (Åslund, 2009: 179).

¹¹ Стоит отметить, однако, что результаты итогового переголосования всё же имели выраженный региональный характер: Янукович выиграл на востоке и юго-востоке Украины (Åslund, 2009: 197).

гие крупные прорежимные олигархи (например, Пинчук) ближе к концу кампании отказались от поддержки режима, тогда как Ахметов поддерживал Януковича до самого его поражения (Ibid.: 181).

В свою очередь, недостаточная инклюзивность режима дополнялась всеохватностью оппозиции. Ющенко радушно принимал перебежчиков из другого лагеря, в особенности, если речь шла о представителях бизнеса (Way, 2008: 258). Любой положительный выигрыш лучше нуля, и это побуждало исключённые из сделки (либо вовсе кажущиеся режиму неважными) элиты концентрироваться вокруг оппозиции, которая, помимо прочего, была более популярной. В числе таких бизнесменов можно считать П.Порошенко и братьев Деркач (Hale, 2005: 151–152)¹². К этому стоит добавить ту перспективу, что главой государства мог стать грамотный экономист и реформатор, уже ожививший экономику несколько лет назад и даже поспособствовавший появлению нового поколения олигархов (Åslund, 2009: 148).

Наконец, изложенные события представляют убедительную иллюстрацию третьей гипотезы. С одной стороны, вероятность сохранения власти при победе челленджера должна была казаться достаточно высокой ввиду принятых зимой 2004 г. конституционных поправок. Элиты понимали, что в обновлённой системе возможности президента будут ограничены, а его вмешательство в равновесие между кланами будет нарушением закона (Гельман, 2007: 99). Силу планируемых сдержек предвидела и оппозиция: расценивая это как «последнее слово» уходящего режима, глава «Батькивщины» Юлия Тимошенко выступила против внесения подобных изменений, тогда как Ющенко воздержался от голосования (Åslund, 2009: 195–196).

Помимо структурных характеристик, важную роль снова играла личность Ющенко. В отличие от Тимошенко, которая была более радикально настроена, последний не только стремился к центристской повестке, но и был достаточно сговорчив со своими политическими противниками. Так называемых оппонентов Ющенко старался сделать союзниками (Kuzio, 2013: 237). В отношениях с действующей властью челленджер также держался аккуратно: будучи государственным деятелем в прошлом, он не участвовал в движении «Украина без Кучмы» и в течение 2002–2003 гг. вёл активные переговоры с центристами в Раде. В сущности, борьба Ющенко с режимом являлась вполне прагматичной (Kuzio, 2007: 46; Kuzio, 2013). Усугубляла ситуацию уже упомянутая эксклюзивность коалиции Януковича, при которой бизнесмены вне донецкого клана (даже если и с востока Украины) имели явные основания сомневаться в обещаниях преемника.

Заключение

Почему произошли «цветные революции»? Ответ на этот вопрос требует обращения к общей проблематике стран постсоветского пространства. Укоренённые там патронажные отношения, пронизывающие разные сферы жизни общества, оказывают непосредственное влияние и на политику.

В частности, распространёнными являются институты патронажного президентализма, которые придают политическим режимам постсоветского региона отличительную черту – цикличность. Именно последняя создаёт подходящую рамку для рассмотрения вопроса о «цветных революциях». Основой анализа становится взаимодействие двух принципиальных групп акторов – элит и представителя действующего режима (обычно это союз уходящего президента с преемником) – в моменты потенциального перехода власти. Именно в это время консолидированная власть авторитарного правителя может начать разлагаться, тем самым пробуждая соревновательную фазу цикла. Характерная для этого периода разобщённость элит приводит к выдвижению челленджера.

Если события складываются подобным образом и сильная оппозиция вступает в борьбу, то между тремя участниками разыгрывается своеобразный торг по приведённой выше модели. Причём важно, что с определённой стадии популярность претендента на власть (особенно если она очень высока) начинает играть определяющую роль. Итогом всего становится либо отсутствие кризисной ситуации и сохранение режима, либо запуск процесса массового отступничества элит, завершающегося «цветной революцией». В последнем случае наступает новый цикл режимного маятника: хотя и знаменуемый начальной демократизацией, он по своей природе обречён на последующую консолидацию системы. До тех пор, пока патронажный президентализм не ослаблен, этот порочный круг будет составлять суть политического процесса в странах постсоветского пространства.

¹² Реальные политические аффилиации олигархов трудно установить. Хейл отмечает, что братья Деркач, хотя и поддерживали Ющенко, на самом деле оставались в нормальных отношениях с режимом. В то же время скрытое содействие оппозиции в начале и середине избирательной кампании приписывается Пинчуку (Hale, 2005: 152).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в рамках Государственного задания Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” на 2021 г.

Список литературы / References

- Гельман, В. Я. (2007) ‘Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе’, *Полис*, 2, сс. 81–108. [Gel'man, V. (2007) ‘From the frying pan, and into the fire? Dynamics of Post-Soviet regimes in comparative perspective’ [Iz ognja da v polymja? Dinamika postsovetskih rezhimov v sravnitel'noj perspective], *Polis*, 2, pp. 81–108. (In Russ.)].
- Гилев, А. В. (2010) ‘Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»?’, *Полития*, 2(57), сс. 107–121. [Gilev, A. V. (2010) ‘Political transformations in the Post-Soviet space: Do color revolutions matter?’ [Politicheskie transformacii na postsovetskom prostranstve: imejut li znachenie «cvetnye revoljucii»?], *Politia*, 2(57), pp. 107–121. (In Russ.)].
- Голосов, Г. (2008) ‘Электоральный авторитаризм в России’, *Pro et Contra*, 12(1), сс. 22–35. [Golosov, G. ‘Electoral authoritarianism in Russia’ [Elektoral'nyj avtoritarizm v Rossii], *Pro et Contra*, 12(1), pp. 22–35. (In Russ.)].
- Стародубцев, А. В. (2009) *Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Starodubtsev, A. V. (2009) *Political loyalty or economic efficiency? Political and socio-economic factors in the distribution of budget transfers in Russia*, [Politicheskaja lojal'nost' ili jekonomicheskaja effektivnost'? Politicheskie i social'no-ekonomicheskie faktory raspredelenija mezhbjudzhjetnyh transfertov v Rossii]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].
- Фисун, А. (2007) ‘Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология’, *Отечественные записки*, 39(6), сс. 8–28. [Fisun, A. (2007) ‘Post-Soviet neo-patrimonial regimes: their genesis, idiosyncrasies, typology’ [Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhim y: genezis, osobennosti, tipologija], *Otechestvennye zapiski*, 39(6), pp. 8–28. (In Russ.)].
- Åslund, A. (2009) *How Ukraine became a market economy and democracy*. New York: Columbia University Press.
- Bahry, D. (2005) ‘The new federalism and the paradoxes of regional sovereignty in Russia’, *Comparative Politics*, 37(2), pp. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/20072879>.
- Balmaceda, M. (2013) ‘Privatization and elite defection in de facto states: The case of Transnistria, 1991–2012’, *Communist and Post-Communist Studies*, 46, pp. 445–454. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2013.08.001>.
- Bellin, E. (2000) ‘Contingent democrats: Industrialists, labor, and democratization in late-developing countries’, *World Politics*, 52, pp. 175–205. DOI: <https://www.jstor.org/stable/25054108>.
- Bueno de Mesquita, B. (2007) ‘Leopold II and the selectorate: an account in contrast to a racial explanation’, *Historical Social Research*, 32(4), pp. 203–221. DOI: <https://www.jstor.org/stable/20762247>.
- Bueno de Mesquita, B., Smith, A. (2010) ‘Leader survival, revolutions, and the nature of government finance’, *American Journal of Political Science*, 54(4), pp. 936–950. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2010.00463.x.
- Colton, T. J., McFaul, M. (2000) ‘Reinventing Russia’s party of power: “Unity” and the 1999 Duma election’, *Post-Soviet Affairs*, 16(3), pp. 201–224. DOI: 10.1080/1060586X.2000.10641486.
- Dyczok, M. (2005) ‘Breaking through the information blockade: Election and revolution in Ukraine 2004’, *Canadian Slavonic Papers*, 47(3–4), pp. 241–264. DOI: 10.1080/00085006.2005.11092387.
- Gay, A., Albertus, M. (2016) ‘Unlikely democrats: economic elite uncertainty under dictatorship and support for

- democratization', *American Journal of Political Science*, 61(3), pp. 624–641. DOI: 10.1111/ajps.12277.
- Gel'man, V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing post-Soviet regime change*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.
- Goldstone, J. A. (2001) 'Toward a fourth generation of revolutionary theory', *Annual Review of Political Science*, 4, pp. 139–187. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139>.
- Golosov, G. V. (2011) 'The regional roots of electoral authoritarianism in Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(4), pp. 623–639. DOI: 10.1080/09668136.2011.566427.
- Hale, H. E. (2004) 'The origins of United Russia and the Putin presidency: the role of contingency in party-system development', *Demokratizatsiya*, 12(2), pp. 169–194. DOI: https://demokratizatsiya.pub/archives/12_2_P0LVW06724GL62M9.pdf.
- Hale, H. E. (2005) 'Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia', *World Politics*, 58, pp. 133–165. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.
- Hale, H. E. (2014) *Patronal politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Higley, J., Burton, M. G. (1989) 'The elite variable in democratic transitions and breakdowns', *American Sociological Review*, 54(1), pp. 17–32. DOI: <https://www.jstor.org/stable/2095659>.
- Higley, J., Bayulgen, O. and George, J. (2003) 'Political elite integration and differentiation in Russia' in: Steen, A., Gel'man, V. (ed.) *Elites and democratic development in Russia*. London: Routledge, pp. 11–28.
- Junisbai, B. (2012) 'Improbable but potentially pivotal oppositions: privatization, capitalists, and political contestation in the post-Soviet autocracies', *Perspectives on Politics*, 10(4), pp. 891–916. DOI: <https://www.jstor.org/stable/23326924>
- Kudelia, S. (2012) 'The sources of continuity and change of Ukraine's incomplete state', *Communist and Post-Communist Studies*, 45, pp. 417–428. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.06.006>.
- Kuzio, T. (2007) 'Oligarchs, tapes and Oranges: 'Kuchmagate' to the Orange Revolution', *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 23(1), pp. 30–56. DOI: 10.1080/13523270701194839.
- Kuzio, T. (2013) 'Yushchenko versus Tymoshenko: Why Ukraine's national democrats are divided', *Demokratizatsiya*, 21(2), pp. 215–240.
- Lambroschini, S. (9 December 1999) 'Russia: Unity bloc holds founding conference', Radio Free Europe/Radio Liberty [online]. Available at: <https://www.rferl.org/a/1092967.html> (Accessed: 11 August 2021).
- Levitsky, S., Way, L. A. (2002) 'Elections without democracy: The rise of competitive authoritarianism', *Journal of Democracy*, 13(2), pp. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0026>.
- Magaloni, B. (2008) 'Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule', *Comparative Political Studies*, 41(4/5), pp. 715–741. DOI: 10.1177/0010414007313124.
- McFaul, M. (2002) 'The fourth wave of democracy and dictatorship: Noncooperative transitions in the postcommunist world', *World Politics*, 54, pp. 212–244. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0004>.
- O'Donnell, G. (1994) 'Delegative democracy', *Journal of Democracy*, 5(1), pp. 55–69. DOI: 10.1353/jod.1994/0010.
- Radnitz, S. (2010) 'The color of money: privatization, economic dispersion, and the postSoviet "revolutions"', *Comparative Politics*, 42(2), pp. 127–146. DOI: 10.5129/001041510X12911363509396.
- Schedler, A. (2006) *The logic of electoral authoritarianism, Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*. Lynne Rienner Publishers.
- Shvetsova, O. (2003) 'Resolving the problem of preelection coordination: the 1999 parliamentary elections as an elite presidential "primary"' in: Helsi, V. L., Reisinger, W. M. (ed.) *The 1999-2000 elections in Russia: Their impact and legacy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 213–231.
- Svolik, M. (2009) 'Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes', *American Journal of Political Science*, 53(3), pp. 477–494. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00382.x.
- Way, L. (2005) 'Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: The cases of Belarus,

Moldova, Russia, and Ukraine', *World Politics*, 57, pp. 231–261. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>.

Way, L. (2008) 'Between national division and rapacious individualism: Ukraine before

and after the Orange Revolution', *Brown Journal of World Affairs*, 14(2), pp. 253–264. DOI: <https://www.jstor.org/stable/24590729>.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 02.08.2021

Статья принята к печати: 03.09.2021

THE “COLOURED REVOLUTIONS”: REGIME STABILITY AND CHANGE AS A MATTER OF ELITE DEFECTION

A. V. Soboleva, I. S. Grigoriev

A. V. Soboleva, MA in Political Science, Ph.D. Student (Political Economy track), Doctoral School of Political Science, Public Policy and International Relations (Central European University),
E-mail: Soboleva_Anastasiia@phd.ceu.edu (ORCID: 0000-0002-3033-1404. ResearcherID: AAZ-3091-2021).

I. S. Grigoriev, candidate of political science, associate professor and researcher, Department of politics and international relations; Center for comparative governance study (HSE University in St.Petersburg).
E-mail: igrigoriev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-0058-8583. ResearcherID: L-5628-2015).

Abstract

Why did «coloured revolutions» in Georgia (2003), Kyrgyzstan (2005) and Ukraine (2004) happen? To answer the question, the paper focuses on the shared feature of post-Soviet states – regime cyclicality, explained by the existence of the entrenched patronal presidentialism institutions. At critical moments when the incumbent turns into a lame duck and her departure is mostly expected, the regime runs the risk that elites become disunified and strong opposition consequently emerges. Then the relationship between the incumbent's designated successor and elites revolves around the possible defection of the latter to the challenger. The article models such a situation in the form of a repeated game, where elites appear as a receiver in the «bargain» during the presidential campaign. Depending on who is preferred – the successor or the challenger – an outcome is either regime perpetuation or a “coloured revolution” caused by mass elite defection to the opposition. The derived hypotheses are tested on the cases of presidential elections in Russia (1999-2000) and Ukraine (2004). As analysis reveals, the three theoretical expectations draw sufficient empirical support, while a special role in determining a winner is ascribed to candidates' popularity, which becomes of utmost importance closer to the end of the race.

Keywords: “coloured revolutions”; post-Soviet states; elite defection; regime cycle; incumbent; successor; challenger; patronal presidentialism.

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics within the framework of the State Assignment of the National Research University Higher School of Economics for 2021.